

Annales Universitatis Paedagogicae Cracoviensis

Studia Politologica 26 (2021)

ISSN 2081-3333

DOI 10.24917/20813333.26.10

Alexey Shcherbinin*

National Research Tomsk State University

ORCID: 0000-0001-7290-8622

Mikhail Podrezov**

National Research Tomsk State University

ORCID: 0000-0003-0014-9377

Проблемы иностранных студентов в университетских городах¹

Понимая неизбежность смены парадигмы развития современного общества и закат индустриализма как несущего конструкта уходящей эпохи, среди целого ряда определений грядущего общества мы отдадим предпочтение трактовке его как «общества знания» («knowledge society»), которая в первую очередь связывается с именем американского экономиста и теоретика менеджмента Питера Друкера (Drucker 1969). Развивая данные идеи, профессор Нико Штер писал:

Поскольку знание становится определяющим не только для современной экономики и ее производственных процессов, но и для социальных отношений в целом – как основной источник его проблем и конфликтов, термин «общество знания» становится уместным обозначением для понимания природы современного общества. Это означает, что мы все больше упорядочиваем и производим реальность, в которой мы существуем, на основе нашего знания (Stehr 2001: 5).

В силу этого университеты, как носители и генераторы, становятся центральными акторами знания, превращенного в реальную социальную силу, и одним из субъектов, влияющих на политику стран, регионов и городов. Логической составляющей данного направления можно считать превращение высшего образования в услугу на внутреннем и международном рынках. Джейн Хемсли-Браун и Ижар Оплатак отмечают, что «рынок высшего образования в настоящее время хорошо зарекомендовал себя как глобальное явление» (Hamsley-Brown, Oplatka 2006: 316). Венгерские исследователи Габор

* shai52@mail.ru

** mvpodrezov@gmail.com

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ и ЭИСИ в рамках научного проекта № 20-011-31664 «Политическое конструирование университетского города в формируемом образе будущего России» / The reported study was funded by RFBR and EISR according to the research project № 20-011-31664 «Political construction of a university city in an emerging image of the future of Russia».

Рекетти и Дьенди Поцгаи приводят следующую динамику: «Если в 2001 г. только 1 млн иностранных студентов училось по всему миру, к 2009 г. их число выросло до 3,7 млн. По оценке ЮНЕСКО, к 2025 г. будет 8 млн иностранных студентов, обучающихся за границей» (Rekettye, Pozsgai 2015: 14).

Иностранные студенты стали популярным и ценным «товаром» по всему миру, поэтому учреждения высшего образования по всему миру начали вводить правила и программы, направленные на привлечение самых способных иностранных студентов. Кавита Пандит справедливо отмечает, что правительства многих стран также осознают важность процесса рекрутинга студентов, поэтому активируют специальные дополнительные возможности: Тони Блэр еще в 2006 г. объявил о создании пакета стимулов, дабы сделать Великобританию еще более привлекательным местом для иностранных студентов, что стало вторым шагом после запуска программы в 1999 г. по увеличению числа обучающихся неевропейских студентов; в Австралии данное направление развивается государственным агентством «Международное австралийское образование» (AEI) и пр. (Pandit 2007: 156). Германская служба академических обменов (DAAD) показывает, как выглядела десятка лидирующих стран по количеству обучающихся в них иностранных студентов на 2016 г. („Wissenschaft weltoffen...“ 2019):

1. США – 917 417.
2. Великобритания – 432 001.
3. Австралия – 335 512.
4. ФРГ – 251 542.
5. Франция – 245 349.
6. Россия – 243 752.
7. Канада – 189 478.
8. Япония – 143 457.
9. КНР – 142 544.
10. Малайзия – 124 133.

Также хотелось бы отметить, что Азия выступает в качестве крупнейшего региона-источника иностранных студентов, с тремя ведущими странами-отправителями: Китай, Индия и Южная Корея. Австралия и Япония же являются традиционными направлениями, куда стремятся отправиться на обучение. Кроме того, Китай, Южная Корея, Сингапур и Новая Зеландия в последние годы вступили в глобальную конкуренцию за доход и интеллектуальный капитал от академической мобильности студентов (Gowoon 2015: 776).

Яркий пример важности работы над рекрутингом иностранных студентов демонстрирует Австралия. На февраль 2019 г., по данным издания «Inside Higher Ed», число иностранных студентов в этом государстве уже превышало 550 тыс. человек, то есть за три года выросло почти на 40%, что принесло, заметим, лишь в виде платы за обучение австралийским вузам порядка 5 млрд американских долларов (образование является третьей по величине экспортной статьей доходов Австралии) (Kelly 2019). Таким образом, университетское знание включается в стратегию концептуализации и использования

в практике конструирования «knowledge society», и не только на уровне отдельных стран. Особенностью новой эпохи является известная автономность регионов и городов, вступивших в конкуренцию. В этой связи уместно вспомнить возникшее сорок лет назад в Европе и мире движение «обучающих» регионов и городов. Внутри стран сеть «образованных» («education»), впоследствии «обучающихся» («learning») городов весьма впечатляющая – в Великобритании их 80, в Германии – 72. Именно к ним привязаны стратегические программы, связанные с инновациями и технологиями.

Сегодня данная идея, родившаяся не в академических, а в правительственных (региональных и городских) кругах, могла бы получить свое второе рождение уже с учетом глобального спроса на качественное образование и академическую мобильность. Международный социальный компонент образования не только меняет дизайн и содержание регионального сегмента «общества знания», но и дает основание ряду исследователей правомерно утверждать о смене городской морфологии. Британский урбанист Кшиштов Навратек в своем интервью применительно к данной тематике сформулировал это следующим образом: на смену старому слою горожан приходят «новые горожане» – студенты, мигранты, туристы („City as a Political Idea...” 2015). Город как «политическая идея» означает расширение форм работы с этими «резидентами» (дихотомия «гражданин – резидент» взята Навратеком у британского экономиста Гая Стэндинга), составляющими уже значительную долю населения. Особое место в данном процессе занимают «университетские города». В отличие от понятия «университет в городе» университетский город официально рассматривает университет(ы) в качестве градообразующего учреждения / предприятия. Кроме этого, имеются ряд критериев, куда включена и значительная доля иностранных студентов, экспатов как отличительная черта именно университетских городов. Тема, казалось бы, должна быть включена в политическую повестку на национальном и региональном уровне. Для России сигналом могло бы послужить то, что в мировом рейтинге QS три года подряд, начиная с 2017 г., в список «100 лучших студенческих городов мира» входят четыре российских города: Москва, Санкт-Петербург, Томск (72-е место) и Новосибирск. Сегодня в Томске обучаются студенты из 93 стран, и поставлена региональная задача удвоения их количества.

В этой связи уместно задуматься о проблемах, с которыми сталкиваются иностранные студенты, а также принимающая сторона (от страны в целом до города и университета). Здесь мы будем опираться, в том числе, и на собственные социологические исследования, проведенные по ряду действующих научных проектов. Однако оттолкнуться все же стоит от стратегических идей и проектов, разрабатываемых университетами под эгидой губернатора Томской области. Начнем с того, что в 2019 г. Национальный исследовательский Томский государственный университет (наряду с Пермским государственным университетом) получил одобрение и гарантии на финансирование пилотного проекта строительства кампуса, где бы могли разместиться студенты всех шести государственных вузов, базирующихся в городе. Это пилотный проект Министерства науки и высшего образования РФ и Внешэкономбанка

по созданию университетского кампуса, ставший фактически архитектурным и логистическим вызовом региону. Как будет выглядеть морфология города при моделях кампуса-эксклава или города-кампуса? Администрация Томской области склонялась к тому, чтобы разместить кампус за рекой ввиду имеющегося свободного пространства (город Томск расположен на одном берегу реки Томи). В пользу эксклава говорит, например, опыт университета / технопарка София Антиполис (Ницца). В 2018 г. доходы этого университета превысили доходы от туризма по всему Лазурному побережью Франции. Однако все факультеты и кафедры такого университета – фактическое учебно-научное продолжение лабораторий, производств, проектных, конструкторских и дизайнерских бюро современной французской и мировой индустрии. Противоположный пример – это Мюнстер (ФРГ), где весь город является кампусом, а бургомистрат компенсирует владельцам сдаваемого жилья расходы на ремонт и на пристройки помещений. Такого рода резоны следует учесть, когда с выносом кампуса за пределы города будешь уверен, что уровень жизни его обитателей, возможности трудовой занятости (а студентов практически все исследователи относят к «эталонному» ядру прекариата), разносторонние потребности в досуге обеспечены и превосходят аналоги традиционного размещения и обучения. Мировой опыт показывает, что в рамках относительно замкнутого кампуса иностранные студенты могут столкнуться с целым рядом важных проблем. Исследование в Толидском университете (штат Огайо, США) показало, что особенно много проблем в рамках кампуса имеют студенты из мусульманских стран (Филиппины, Саудовская Аравия, Иран), например, указывая, что большая часть религиозных проблем решается очень плохо, культурные и религиозные праздники почти не замечаются, как пост и др. Нестандартная ситуация, которую описывает респондент из Ирана: люди обычно спрашивают, чем отличается моя культура, и в целом понимают меня. Основная проблема здесь – это безмерное присутствие собак. Некоторым людям нужно понимать, что собаки – не человек, они могут вести себя непредсказуемо. Согласно исламским правилам, люди должны мыть тело или одежду после прикосновения к собаке. Это серьезная проблема на практике. Кроме того, на территории кампуса нет кафе с халяльной едой, нет подходящего места для студентов-мусульман для ежедневной молитвы (Sherry, Thomas, Chui 2010: 39). Студентка из Польши же акцентировала внимание на проблемах трудоустройства на территории кампуса, так как у иностранцев существуют ограничения на трудовую деятельность и часто единственная возможность – это работа в кампусе, но количество вакантных мест там всегда ограничено и невелико. Более того, даже при допуске к работе на территории всего города возникает проблема, что в небольших университетских городах востребованность в такой рабочей силе, как правило, не велика (Sherry, Thomas, Chui 2010: 42–44). Итак, хорош кампус-экслав или нет в проектах, надо думать вслед за тем, как он будет функционировать? И здесь возникает еще один аспект: как на данную проблему смотрят иностранные студенты, особенно из тех университетов, которые не богаты местами в общежитиях? Пока однозначного ответа нет, но изучение маршрутов повседневного пространства дают, по крайней

мере, основание для изучения проблемы. Или студентам, обремененным академической деятельностью, нет дела до города, или уже на первой стадии знакомства с городом студенту в вузе не дали внятной информации (гайда) для первичной ориентации в повседневном пространстве университета и города. Важность этого аспекта подчеркивается и в исследовании Германской службы академических обменов, где отсутствие контакта между иностранными студентами и ответственными лицами, способными донести нужную информацию, отмечено в качестве одной из базовых проблем („Wissenschaft weltoffen...“ 2019).

Аналогичные проблемы испытывают студенты и в Томске. Из глубинного интервью студентки четвертого курса медицинского университета (Томск, 2020 г.):

Я помню, когда мы приехали, а мы были самые первые, почти самые первые, поэтому нам показывали город (музей, рынок), но человек из университета, который нам показывал, разговаривал на английском и мы не все поняли. То, что мы иностранцы, это не значит, что мы знаем хорошо и английский язык. И это тоже один из факторов, когда все думают то, что ты приезжаешь в Россию, ты должен знать хорошо английский [...] Спасибо большое, что мы знаем, и что еще нужно делать, но не хватает человека, который на родном языке тебе объяснит, ходит с тобой, идет на встречу, помогает – это очень сложно.

Эти проблемы можно наблюдать в университетских городах повсеместно. Социологическое исследование в Толидском университете также показательно: многие респонденты отметили, что могут быть более эффективные способы реагирования на языковые потребности иностранных студентов; языковые барьеры – это нечто большее, чем проблемы письменной речи (Sherry, Thomas, Chui 2010: 37).

Ныне реализуемый областной властью и университетами проект «Большой университет Томска» стал фактическим продолжением идеи университетского кампуса. И вновь мнение студентов и преподавателей университетов о недостатках и преимуществах такой кооперации ее профилях и глубине не были учтены. «Стратегические сессии», «коворкинги», «дорожные карты» – вот бюрократическая подмена реальности. Хотя на поверхности лежат поднимаемые проблемы изначальной кооперации и интеграции университетов: кооперация библиотечных ресурсов – доступ к международной базе данных, а на обыденно-познавательном уровне наш авторский проект «Университетское кольцо».

Увеличение доли иностранных студентов как социальная проблема уже вышла за пределы общежитий и корпусов. Проведенное нами картирование иностранных студентов Томска из дальнего зарубежья по оценкам онлайн-анкет показывает локальный характер перемещения в городе: общежитие – учебный корпус – ближайший супермаркет. Во многих случаях к этой триаде добавляются места проживания иностранных студентов из тех же стран (или регионов), что и респонденты, например, общежитие другого университета или арендованная квартира. Несколько реже – кафе быстрого питания (как

правило, студенты из одной страны или одного региона ходят в одно и то же заведение). Студенты знают вузовский центр города, а в качестве «своего центра» отмечают, как правило, центральный сквер города (Новособорная площадь и Городской сад) или центральную площадь (площадь Ленина), к слову сказать, расположенные на том же центральном проспекте, что и большинство вузов нашего университетского города. Исследование, посвященное исследованию социальных связей иностранных студентов, проведенное в Мельбурне, также показало, что как в университете, так и за его пределами, студенты контактируют с людьми, чья культура похожа на их собственную, а смешения с местным населением встречается довольно редко и происходит в основном в университетском городе (кампусе). Исследователи выделили любопытные тенденции, связанные с вышесказанным: студенты, которые считают, что их успеваемость находится на высоком уровне, коммуницируют с местными жителями значительно чаще как в кампусе, так и за его пределами, при этом количество лет обучения в университете не коррелирует с уровнем их включения (Rosenthal, Russell, Thomson 2007: 76–77).

Разумеется, доля иностранных студентов учитывается в областной стратегии (например, «Большой университет Томска», строительство кампуса и т.д.), Томским государственным университетом при разработке форм онлайн-коммуникации (в рамках учебного процесса) с группами иностранных студентов и др. При этом университетские проекты оторваны от городских, город же не видит главных работодателей и инвесторов в лице университетского комплекса. Ситуация напоминает сюжет фантастического романа Чайны Мьевиля «Город и город», когда существующие в одном пространстве, на одних улицах, город Бещель не видит город Уль-Кому. На деле, если использовать концепцию социального пространства Анри Лефевра, мы можем из монолитного и очевидного пространства университетского города выделить гораздо большее количество пространств. Пространство власти, с ее вертикальной коммуникацией и минимизацией проблем, которые нужно решать, чтобы не вызвать недовольство горожан. Так выглядит отношение власти к университетам в целом в Томске, это как бы, даже не «вторая природа», а естественный и вечный ландшафт. Но аналогично выглядит и позиция муниципальных властей в европейских городах. Рекетти и Поцгаи отмечают, что в таких разноуровневых городах, признанных «Культурной столицей Европы» примерно одинаковое отношение к университету. Авторы выделяют три типа городов, получивших почетное звание: 1) европейские центры культуры и туризма (за прошлые заслуги), для них звание – одно из событий, а университет, добавим, далеко не центральная фигура брендинга: Люксембург, Авиньон, Антверпен и т.д.; 2) в прошлом индустриальные центры, которые в новых условиях готовы изменить бренд: Ливерпуль, Эссен, Марсель и т.д.; 3) города, для которых звание – большое событие культурной и политической значимости, шанс на раскрутку известности, строительство новых объектов культуры, приток туристов: Сибиу, Печ, Марибор, Кошице и т.д. (Rekettye, Pozsgai, 2015: 19). При этом, как показали экспертные опросы,

особого интереса к роли университета при составлении городских программ местные власти не проявили.

Второе пространство – это пространство самих университетов, объективно они как наиболее крупные работодатели, собственники, влиятельные политические фигуры должны присутствовать и в городских стратегиях, и в городской повестке. Третье пространство – семиотическое, где разговоры, обсуждения в сетях формируют мнение о городе. Четвертое – деструктивное, в силу экономико-социальных, психологических, политических и иных причин, находящееся на «черной стороне». Коммуникативная особенность заключается в том, что первое и четвертое пространство руководствуются схемами и лозунгами, только у четвертого в силу оскудения позитивной и привлекательной для горожан повестки городских властей эмоциональный заряд выше. Именно здесь формируется идейная среда популизма. В разделе «Социальная изоляция или сегрегация» уже ранее упомянутого исследования Германской службы академических обменов эксперты отмечают, что ряд студентов сталкивается с социальной изоляцией или одиночеством из-за удаленности от своей семьи. Многие учебные заведения проводят мероприятия в университете, но они могут проходить отдельно для иностранных и немецких студентов. Сообщается также о мероприятиях, которые усиливают формирование сегрегированной группы из-за неподходящего религиозного или культурного происхождения обучающихся, дискриминации при поиске работы, найме жилья, сложностей, связанных с бюрократической системой и т.п. („Wissenschaft weltoffen...” 2019). Иностранные студенты могут стать объектом дискриминации даже не из ксенофобских, а типично повседневных соображений, например, источник роста цен на продукты питания и товары первой необходимости, конкуренция за рабочие места и т.п. Налицо видимая «непричастность» властей к этой социальной группе и университетам в целом, а последние ограничивающиеся «честным обменом» платы за учебу на качественное образование, оставляют иностранных студентов не просто в состоянии *incommunicado* (данный термин, изначально означавший изоляцию от общества в диктаторских режимах, а впоследствии взятый на вооружение противниками сетевой сегрегации, сегодня вполне уместен для описания феномена пространственной изоляции), но и риска существования.

В этих условиях нами был задуман «многослойный» проект. Первой по времени уже в условиях масочного режима стартовала Школа экскурсоводов. На средства гранта Президента РФ прошли обучение в качестве сертифицированных экскурсоводов десять студентов различных вузов и стран с последующей задачей проведение экскурсий по Томску и окрестностям для студентов из своих стран, особенно «неофитов». Второй проект, который, к сожалению, придется начать дистанционно, «Кольцо университетов». Пространственно и по логике формирования идентичности он должен быть первым, но вновь на пути возникли преграды, связанные с COVID-19. Студенты должны в первую очередь иметь представление обо всем университетском пространстве города с его историей, начинающейся с 1877 г., структурой, культурой, общим стилем и, разумеется, научно-образовательной спецификой каждого вуза.

Проект стартует в рамках Пятого международного форума университетских городов, который пройдет в Томском государственном университете в начале декабря 2020 г. Он предполагает приветствие ректора, посещение Научной библиотеки, Ботанического сада, как минимум, двух музеев, студенческого жилищного комплекса «Парус», одного естественного и одного гуманитарного факультета, мини-концерт – все с непременно участием студентов из дальнего зарубежья, обучающихся в Томском государственном университете. Также предусмотрено их участие в работе круглого стола «Иностранные студенты в университетском городе: пространства повседневности, образования, коммуникации, презентации». В дальнейшем принимающей стороной станет очередной университет Томска.

Кроме непосредственного знакомства это имеет существенный коммуникативный эффект: в сети глобального университетского образования, а тем более в сети, отражаемой в Интернете, мнение очевидца стоит дороже казенной рекламы. Сюда же добавим еще один сетевой проект «Медведи на улицах». Это ресурс о стереотипах, естественных или формируемых фобиях о России (тем более о Сибири) и о том, что каждый реально увидел в Томске. Именно здесь, как показывает факультативный вопрос в анкете «Если бы у Вас была возможность в течение одной минуты рассказать о Томске, что бы Вы сказали», проявился настоящий патриотизм к университетскому городу (с учетом того, что больше половины респондентов заполняло анкеты у себя дома, в своих странах). Многие студенты, которые поступили с целью получения качественного образования, имеют мало времени для удовлетворения туристических потребностей. И с этим приходится считаться, не навязывая познавательные-развлекательные программы. Но то, что надо найти гражданские механизмы преодоления эффекта *incommunicado* и обеспечить новым гражданам право на город, является важной научной и общественной задачей университетского города.

Библиография

- “City as a Political Idea: An Interview with Krzysztof Nawratek”. 2015. The New Metropolitan. Accessed 12.11.2021. <https://www.newmetropolitan.hss.ed.ac.uk/2015/02/19/899/>.
- Drucker Peter F. 1969. *The Age of Discontinuity: Guidelines to Our Changing Society*. New York: Evanston.
- Hamsley-Brown Jane, Izhar Oplatka. 2006. “Universities in a competitive global marketplace: a systematic review of the literature on higher education marketing”. *International Journal of Public Sector Management* 19 (4) : 316–338.
- Jung Gowoon, Joseph E. Yi. 2015. “Public Discourses about International Students”. *Sociology Compass* 9 (9) : 776–783.
- Kelly Andrew. 2019. “International Students in Australia: Practices and Challenges”. Inside Higher Ed. Accessed 12.11.2021. <https://www.insidehighered.com/blogs/world-view/international-students-australia-practices-and-challenges>.
- Pandit Kavita K. 2007. “The Importance of International Students on Our Campuses”. *Yearbook of the Association of Pacific Coast Geographers* 69 : 156–159.

- Rekettye Gábor, Gyöngyi Pozsgai. 2015. "University and place branding: The case of universities located in ECC (European Capital of Culture) cities". *Ekonomski Vjesnik* 28 (2) : 13–24.
- Rosenthal Doreen A., Jean Russell, Garry Thomson. 2007. "Social connectedness among international students at an Australian university". *Social Indicators Research* 84 (1): 71–82.
- Sherry Mark, Peter Thomas, Wing Hong Chui. 2010. "International students: a vulnerable student population". *Higher Education* 60 (1) : 33–46.
- Stehr Nico. 2001. *The Fragility of Modern Societies: Knowledge and Risk in the Information Age*. London: SAGE Publications Ltd.
- "Wissenschaft weltoffen. Daten und Fakten zur Internationalität von Studium und Forschung in Deutschland". 2019. Wissenschaft weltoffen. Accessed 30.11.2021. <https://www.wissenschaft-weltoffen.de/de/publikation>.

The Problems With International Students in University Cities

Abstract

This paper examines the problems foreign students face in university cities. This issue seems to be especially important in the formation of a city's branding strategy in the context of a "knowledge society". The university city in this context is considered as an intellectual and social component of the image of the future of the country and a promising upcoming direction of the Siberian frontier

Keywords: academic mobility, education policy, incommunicado, international students, smart city, smart community, university city